

Библейско-богословская коллекция
АГИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Яхонтов А.

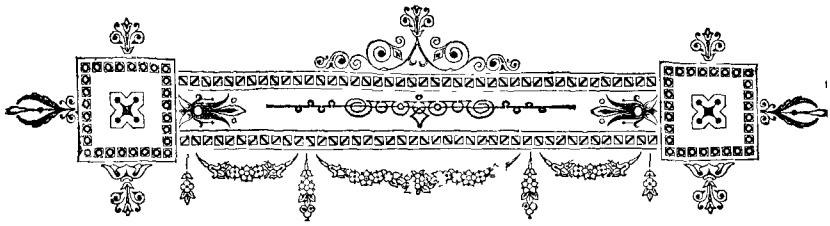
**ВЛИЯНИЕ
ЖИТИЙ СВЯТЫХ
НА ЖИЗНЬ
РУССКОГО НАРОДА**

Странник, 1892, № 12, с. 653-679

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

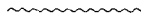

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ВЛІЯНІЕ ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ НА ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА.

Общее положеніе.—Аскетическое воззрѣніе русскаго народа на міръ и жизнь.—Возвышенный взглядъ на монашество и быстрое развитіе послѣдняго.—Домашняя жизнь русскаго человѣка.—„Домострой“.—Семейная жизнь, „дѣвство въ супружествѣ“.—Взглядъ на женщину, какъ на причину и источникъ соблазновъ.—Представленіе идеала женщины.—Обычай, кажущіеся русскими, но явившіеся подъ вліяніемъ чтенія житій святыхъ.—Уваженіе русскаго народа къ обыденной трапезѣ.—Любовь къ чтенію Псалтыри.—Обычай: ставить свѣчи предъ иконами и зажигать лампады, гадать на книгахъ Священнаго Писанія, „спускать воду съ креста“, строить храмы на мѣстахъ языческихъ капищъ и священнодѣйствій.—Паломничество русскаго народа.—Его внутреннее, „духовное“ пропикновеніе въ житія святыхъ.

ПРЯМЫМЪ слѣдствіемъ церковнобогослужебнаго и домашняго чтенія житій святыхъ нашими предками служить вся ихъ жизнь. Наши народныя обычаи, можно сказать, всѣ сложились подъ вліяніемъ чтенія житій святыхъ.

По своему происхожденію, это вліяніе одновременно съ принятіемъ христіанства. Мы уже замѣтили ¹, что вмѣстѣ съ благовѣстіемъ евангельскаго ученія приносится къ намъ нашими учителями, Греками, и ихъ литература, ихъ умственная и нравственная культура и просвѣщеніе. Существенною же стихіею Византійской литературы были именно святоотеческія творенія и житія святыхъ. Мы замѣтили также, что болѣе всего, кажется, вліяніе житій

¹ См. нашу статью: „Житія свв. въ ихъ церковнобогослужебномъ значеніи“. „Странникъ“, 1892 г., мартъ,

святыхъ и подобнаго рода греческой литературы сказалось именно на религіозно,-нравственныхъ возрѣніяхъ русскаго общества.

Дѣйствительно, и жизнь и мысль русскаго народа, свободно или путемъ борьбы, но тѣмъ не менѣе укладывались и усвоили себѣ кругозоръ и возрѣнія той литературы, которая была для него самою нравственною и умственною воспитательницею. Только-что пробудившаяся русская мысль и та начала работать по византійскимъ образцамъ. Византійскіе идеалы сдѣлались и русскими идеалами. Суть византійской литературы составляло всестороннее, безпощадное отрицаніе тлѣннаго „міра“. Христіанскіе подвижники и отшельники самымъ фактомъ своего отшельничества отрицали послѣдній (міръ). Поэтому понятіе о „мірѣ“ сдѣлалось въ такого рода литературѣ, какъ житія святыхъ, синонимомъ погибели, и предметомъ прославленія ея служило удаленіе отъ „міра“ и всѣхъ его золъ. Въ „житіи и страданіи“ святыхъ мученицъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры читаемъ: „Окаянный Сухемъ міръ сей съ тремя дщерми своими, съ похотію плотскою, съ похотію очесъ и гордостію житейскою ничтоже ино вѣсть, точію вредити прилѣпляющихся ему. Якоже смола очерняетъ прикасающагося ей, тако онъ своя рачители черны, нечисты и скверны творить. Блаженъ бѣгая міра, да не очернится его нечистотами: блажены суть сія святія три дѣвы, избѣгшыя отъ міра и отъ тріехъ его реченныхъ злыхъ дщереи. Не очернишася бо ихъ сквернами, и быша бѣлы и чисты голубицы, аки двумя крилами, дѣяніемъ и Боговидѣніемъ летающыя по горамъ и пустынямъ, желающе въ Божественнѣй любви аки въ гнѣздѣ почити: пустыннымъ бо непрестанное Божественное жславіе бываетъ, міра сущымъ суетнаго кромѣ“¹. Святая Софія, мать святыхъ мученицъ Вѣры, Надежды и Любви, убѣждая ихъ не отступать отъ вѣры при тяжкихъ мученіяхъ, говоритъ святымъ дочерямъ своимъ: „Чада моя сладкая, не дадите себе прельстити прелестемъ вражїимъ: имать бо васъ царь, яко мню, много ласкати, и великія обѣ-

¹ Житія святыхъ. Сентябрь 10, л. 46 об.

щавати дары, и предлагати вамъ славу, богатства и честь, и всю красоту и сладость міра сего тлѣннаго и суетнаго: но не возлюбите отъ сего ничтоже, вся бо сія яко дымъ исчезають, и яко прахъ отъ вѣтра разметаються, и яко цвѣтъ и злакъ травный увядають, и въ персть вселяются“ ¹. Софія, духовная мать святой Анастасіи Римляныни, такъ наставляетъ послѣднюю: „Не прельстися дарами и славою суетнаго міра, ниже устрашайся мукъ временныхъ, вѣчный тебѣ животь ходатайствующихъ“ ². Въ другихъ мѣстахъ житій святыхъ міръ называется суетнымъ ³, исполненнымъ нечистыхъ похотей ⁴, многоятежнымъ ⁵, ничтоже пользующимъ ⁶, сномъ прелестнѣйшимъ ⁷, говорится о непостоянствѣ міра ⁸, суетѣ міра сего ⁹, суетной славѣ міра ¹⁰ и пр.—Дѣйствіе такой учительной литературы не замедлило обнаружиться и въ нашемъ обществѣ. И вотъ, и на русской почвѣ начинаютъ раздаваться голоса противъ такъ называемаго „міра“. Все мірское, все житейское подвергается ихъ беспощадному бичеванію и отрицанію. Самое понятіе „міръ“ и у насъ, на Руси, стало чѣмъ-то предосудительнымъ, грѣшнымъ. Русскіе книжники, по примѣру греческихъ, не находили словъ для того, чтобы достойно унизить постыдный въ ихъ глазахъ „міръ“. Самое слово „міръ“ сопровождалось всегда соотвѣтствующими этому взгляду эпитетами. Рѣдко можно встрѣтить такую рукопись, въ которой бы передъ или послѣ слова „міръ“ не стояло какого-либо прилагательнаго, значеніе котораго состояло въ порицаніи его. Міръ постоянно у русскихъ книжниковъ сопровождается названіями „погибельнаго“, „суетнаго“, „скоротлимаго“, „скороминующаго“, „вмалѣ являющагося, а вскорѣ погибающаго“, „мечетнаго“ (призрачнаго) ¹¹. Если такъ смотрѣли вообще на міръ, то болѣе реальныя проявленія міровой или, вѣрнѣе, мірской человѣческой жизни вызы-

¹ Житія святыхъ. Сентябрь 17, л. 75 об. ² Житія свв. Окт. 29, л. 242 об. ³ Тамъ-же. ⁴ Житія св. Сент., л. 48, 75 об., 104 об.; Окт., л. 185, л. 242 об. ⁵ Житія свв. Сент., л. 52 об. ⁶ Житія свв. Окт., л. 192. ⁷ Житія свв. Ноябрь, л. 282. ⁸ Житія свв. Ноябрь, л. 343.

⁹ Житія свв., Окт., л. 179 об. ¹⁰ Житія свв., Окт. 192 об., дек. л. 59 об. ¹¹ Житія свв. Ноябрь, л. 320 об.

¹² Правосл. Собесѣд. 1859 г., ч. 1. январь. Слово свв. отецъ: «какъ жити крестьянамъ».

вади еще большее осужденіе аскетовъ-моралистовъ. Общественныя положенія человѣка, внѣшнія благопріятныя условія жизни и т. п. обсуждались имп какъ что-то злое. „Уподобяшася слава міра сего“, читаемъ въ одномъ древне-русскомъ поученіи, „пламени огненному, иже подгнѣщенъ дровы и бысть высокъ и потомъ приложися въ угліе и потомъ въ пещель, и паки развѣтеть вѣтръ и мѣста не обрящется“. Такъ съ чисто-аскетической точки зрѣнія оцѣнивалось въ то время не одно законное достиженіе общественныхъ почестей и уваженія, а всѣ внѣшнія условія общественной жизни. О законности самыхъ невинныхъ, повидному, удовольствій нечего было и думать. Удовольствія, по взгляду русскихъ моралистовъ, не имѣли существеннаго значенія для человѣка: онъ рожденъ для однихъ страданій и искушеній, и только одна побѣда надъ ними дѣлаетъ его истинно-счастливымъ. Душевныхъ проявленій, такихъ, какъ радость, веселье, признавалось не свойственнымъ допускать истинному христіанину. „Чадо не восхоци“, такъ поучаетъ одинъ моралистъ, „веселитися въ мірѣ семъ, яко веселіе свѣта сего плачемъ провожается“. Игнорировать всѣ блага жизни считалось признакомъ человѣка великаго ума. „Аще ли любомудрецъ желаеши быти, не веселися о красныхъ житіа, травный бо тѣхъ цвѣтъ, якоже осязаеши, увядаеть“. И наоборотъ, не иначе, какъ безумцемъ слылъ тотъ, кто „склонялся въ пользу лести вѣка сего“¹. Вообще, тѣлѣнный, окружающій насъ міръ, по взгляду аскетовъ, былъ олицетвореніемъ всего злого, и увлекаться и вращаться въ сферѣ „безумія міра сего прелестнаго“ было бы, дѣйствительно, безуміемъ и погибелью для человѣка.

Ратуя противъ всякихъ удобствъ жизни, аскетизмъ не щадилъ и самой жизни человѣческой. Отсюда нападки аскетовъ коснулись и этой послѣдней. И вотъ на тему о ничтожествѣ міра и жизни появляются чуть не цѣлыя творенія. „О несмысленіи окаяннѣ“, читаемъ въ одномъ изъ нихъ, „не вѣстѣ ли вы, что день несетъ, что ли ночь, пройдетъ житіе

¹ Ср. Житія свв. Сентябр. 10, л. 46 об.

ваше, акп облакъ носимъ вѣтромъ“¹. И жизнь человѣка у нашихъ аскетовъ не заслуживаетъ другого названія, кромѣ „погибающаго“, „скороминующаго“, „прелестнаго“, „тѣннаго житія“. Благодетельные мужи древней Руси внимали съ благоговѣніемъ аскетическимъ наставленіямъ своихъ духовныхъ руководителей и сами становились въ отношеніи къ другимъ проводниками тѣхъ же аскетическихъ идей. Пастыри считали долгомъ воспитывать на нихъ своихъ духовныхъ чадъ. Вообще, съ какой бы стороны ни смотрѣли на міръ и жизнь человѣка, аскеты всегда видѣли здѣсь только одинъ мракъ, одни бесполезныя страданія, и жизнь человѣка на землѣ казалась имъ чрезвычайно жалкою и плачевною. Не безъ увлеченія и искусства оплакивалась она въ произведеніяхъ древней русской письменности. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя слова и посланія митрополита Даниїла, въ которыхъ спеціально трактуется о скоротечности человѣческой жизни и о неустойчивости всѣхъ земныхъ благъ. „Что есть житіе наше“, такъ пишетъ Даниїль въ одномъ изъ своихъ посланій, „не якоже ли сонное видѣніе, не якоже ли цвѣтъ травный и пара, в малѣ восходящи и исчезающи, или рѣчная быстрина мимотекущая, или яко роса утренняя“? Совершенно въ томъ же духѣ писалъ и Максимъ Грекъ. Постоянное оплакиваніе жизни шло далѣе. Оно доходило до самаго отрицанія жизни. „Блаженъ“, восклицаетъ въ отчаяніи одинъ строгій моралистъ, „иже возненавидитъ житіе человѣческое“².

Эта идея объ отрѣшенности отъ міра и его благъ и удовольствій, о долгѣ христіанина стремиться только къ высшему духовному міру, ученіе о борьбѣ и побѣдѣ духа надъ плотію, — все это съ подробностію развивалось въ той церковной письменности, которая перешла къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, одинъ изъ отдѣловъ которой составляютъ и житія святыхъ. И все это нашло себѣ прекрасную почву въ возрѣвнїяхъ древне-русскаго человѣка и принесло обильные плоды. Вся наша литература, и самостоятельная и перевод-

¹ Ср. Житія свв. Мрт. 11, л 65. ² Прав. Собес. 1876.

ная, проникнута была однимъ и тѣмъ же духомъ. Частію путемъ заимствованій, частію же самостоятельно русскіе книжники воплощали свои аскетическія воззрѣнія въ письмени. Вотъ гдѣ находится источникъ того богатства древнихъ памятниковъ, которые специально посвящены и трактуютъ о суетѣ мірской, „иже въ житіи семъ“, и „о молвѣ міра сего неполезнѣй“. Рѣдко можно встрѣтити древній сборникъ, гдѣ бы не было разсужденій о ничтожествѣ міра и человѣка. Всюду разбросаны въ рукописяхъ слова и поученія въ родѣ слѣдующихъ: „слова свв. отецъ о временномъ семъ житіи“, „о славѣ міра сего“, „о суетѣ міра сего“, „о суетнѣмъ семъ житіи“, „о житіи семъ многмятежномъ“, „о лъсти міра сего“, „о суетствіи міра“, „о еже ненавидѣти міра и яже суть въ мірѣ“ и т. п.

Эта самая церковная литература, имѣвшая своимъ источникомъ главнымъ образомъ житія святыхъ, принесла намъ великую пользу въ томъ отношеніи, что она способствовала возвышенію нравственности въ народѣ, ослабляла въ немъ крайнюю привязанность къ земнымъ благамъ, однимъ словомъ, облагораживающимъ образомъ дѣйствовала на нравы русскаго народа, который долгое время и послѣ принятія христіанства отличался преданностью грубой чувственности язычества. Вотъ какъ говорить объ этомъ вліяніи житій святыхъ, въ тѣсномъ смыслѣ—какъ патериковъ и прологовъ, на нашу письменность и жизнь проф. Буслаевъ. „Патерики Синайскій и скитскій, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI и даже до XVII в. включительно... Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древнерусскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизусть и нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножителства въ пустынныхъ заходустяхъ земли Русской“.

Увлеченіе житіями святыхъ вмѣстѣ съ аскетической проповѣдью скоро перешло въ жизнь и здѣсь обнаружило свои дѣйствія. Въ русскомъ народѣ сильно развилась склонность къ

мистицизму, который, въ свою очередь, требовалъ себѣ ка-кого-нибудь исхода. Такимъ исходомъ для русскаго народа послужило монашество. Послѣднее, какъ нельзя болѣе, отвѣ-чало всѣмъ требованіямъ, какія такъ настойчиво проводились въ излюбленной литературѣ—житіяхъ святыхъ. И вотъ монаше-скій идеалъ и сталъ въ умахъ Русскихъ исключительнымъ идеаломъ высоко-нравственной жизни. Монашество, поставлен-ное въ глазахъ Русскихъ какъ идеалъ христіанской жизни, потому самому стало конечною цѣлью, послѣднимъ желаніемъ болѣе или менѣе благочестиваго человѣка. Идеалъ монаше-скій сдѣлался идеаломъ христіанской нравственности, предъ которымъ все благоговѣло, все преклонялось. При такомъ от-ношеніи къ монашескому идеалу въ русскомъ обществѣ обра-зовался самый возвышенный взглядъ на монашество. Послѣд-нее представлялось „лучше царской державы“; о монахахъ говорили: „свѣтъ инокомъ Ангели, свѣтъ мірянамъ иноки“. Въ глазахъ Русскихъ монастырь былъ самымъ священнымъ мѣстомъ, не въ смыслѣ религіозномъ только, а по отношенію къ нравственнымъ достоинствамъ его обитателей. Монахъ окружался ореоломъ святости. Жизнь монашеская называлась не иначе, какъ „христово-подобнымъ житіемъ“. Монашескій идеалъ былъ мѣриломъ нравственности и чистоты. Взглядъ на монашество, какъ на идеалъ высоконравственной истинно-христіанской жизни, много содѣйствовалъ быстрому распро-страненію и развитію монашества на Руси. Послѣдствія его сказались въ жизни русскаго народа быстрымъ возникновеніемъ монастырей. Лучшимъ доказательствомъ общей наклонности Русскихъ къ аскетизму, который находилъ себѣ прямой вы-ходъ въ монашествѣ, могутъ служить голыя цифры числа мо-настырей и пустынь. Такъ, съ XI—XIV вв. ихъ возникло 87, въ XIV в. и первой половинѣ XV в. 150, причемъ на четыр-надцатый вѣкъ приходится 80, на половину пятнадцатаго—70¹. Точно также въ прогрессивномъ порядкѣ шло возрастаніе мо-настырей во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI в. За этотъ періодъ времени появилось новыхъ монастырей вдвое

¹ П. Знаменскаго. Ист. русск. церкви.

болѣе прежняго. Благочестивые люди только подь монашескимъ одѣянiемъ надѣялись получить себѣ спасенiе и погому массама поступали въ монастыри. Мирь и все житейское казалось имъ опаснымъ для души. Спаслись отъ погибели одно средство—бѣжать отъ міра въ пустыни и монастыри. И, дѣйствительно, туда массама бѣжали. Ревнители благочестiя, живя въ мирѣ, считали себя окончательно погибшими для спасенiя, и нѣкоторые изъ нихъ изъ любви ко спасенiю своей души порывали всѣ свои семейныя узы, покидали женъ и дѣтей на произволь судьбы, часто безъ пристанища, и скрывались въ монастыряхъ. Эта черта отмѣчена даже въ народныхъ былинахъ. Отецъ богатыря-подростка, двѣнадцатилѣтняго Михаила Игнатъевича, богатырь Данило Игнатъевичъ, подь старость просится у вел. кн. Владиміра въ монастырь, прося:

«Не срубить ему за это буйной головы,
«Не вынуть сердца съ печенью»¹.

Отъ мужей не отставали и жены,—и тѣ часто поступали въ монастырь тайно отъ своихъ мужей. Въ грамотѣ въ Исковъ съ наставленiями о различныхъ предметахъ церковной дисциплины митрополитъ Фотiй между прочимъ отвѣчаетъ² на письмо къ нему о томъ, что „какого ради какова дѣла жена, утаився мужа своего, и идетъ въ монастырь, и пугмени таковыхъ постригаютъ“³. Изъ посланiя митрополита Фотiя видно, что „жены отъ мужей стриглись тайно отъ черницъ“⁴. Благоговѣніе къ монашеству дошло до того, что нѣкоторые высказывали желаніе, чтобы хотя мертвенные останки ихъ покрывались монашескимъ одѣянiемъ, видя въ томъ облегченіе своей загробной участи. Такое желаніе высказывалъ, напр., великій князь Василій Ивановичъ.

Такимъ образомъ, пустыня, монастырь, жизнь иноческая—сдѣлалась предметомъ духовныхъ желанiй, предметомъ поэти-

¹ Галаховъ. Ист. русск. словесности, ч I, стр. 42.

² Отъ 24 сентября 1422 или 1425 года.

³ Русская историческая библиотека, издаваем. архіограф. комиссіею, т. VI. Спб. 1880. Памятники древне-русскаго каноническаго права. Ч. I (Памятники XI—XV вв.), стр. 430.; ⁴ Тамъ же, стр. 431.

ческихъ изображеній, какъ для иноковъ, такъ и для мірянъ. И очень естественно, что эта жизнь, какъ идеаль лучшей, богоугодной жизни, вносила вмѣстѣ съ своими стремленіями и свои порядки въ обыкновенную, повседневную мірскую жизнь, установила эту жизнь по своимъ правиламъ и образцамъ, наложила свой особенный, специфическій отпечатокъ на всѣ ея отправленія.

Самую лучшею характеристикою личности того или другаго человѣка служило указаніе на его заботливость и попеченіе о постройкѣ храмовъ, о пожертвованіи въ пользу ихъ богослужебныхъ книгъ, священной утвари и т. п. Такъ именно характеризовали наши древніе лѣтописцы благочестивыхъ князей.

Домашняя, частная жизнь Русскихъ древняго времени ясно говоритъ за распространенное чтеніе ими житій святыхъ. Вотъ предъ нами продуктъ всего нашего общественнаго развитія въ до-петровскую эпоху, — извѣстный „Домострой“ попа Сильвестра. — Въ обычаяхъ, которые излагаются въ немъ, въ наставленіяхъ, которыя въ немъ преподаются, сказали свое послѣднее слово древне-русская жизнь и древне-русская письменность. Изъ него мы замѣчаемъ во всемъ русскомъ быту сильное вліяніе разсматриваемой нами литературы житій святыхъ. Лучшимъ древнимъ-рускимъ домомъ считался домъ наиболѣе приближавшійся, въ своемъ устройствѣ, къ монастырю. Въ такомъ домѣ единственной, исключительной и достойной стихіей всей жизни, руководившей не только помышленіями, но и всѣми поступками считались молитва и милостыня; главное, коренное и неизмѣнное дѣло этой жизни заключалось въ келейномъ и церковномъ правилѣ о подвигахъ милосердія. Все, однимъ словомъ, сводилось къ одной цѣли, чтобы сдѣлать домашнюю жизнь непрестаннымъ моленіемъ, непрестаннымъ подвигомъ молчанія и отверженія отъ всякихъ мірскихъ удовольствій и веселостей, непрестаннымъ чпсто аскетическимъ отрицаніемъ всего того, что сама жизнь отвергнуть не въ силахъ. Старались устроиться такъ, чтобы все и вездѣ напоминало о монастырской жизни. Такъ, въ самомъ домѣ устраивалось подобіе церкви. На стѣнахъ ставили „святые и честные образы со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, въ нихъ же свѣщи

предъ святыми образы восжигаются“; предъ иконами кадили благовоннымъ ладономъ и омиагомъ ¹. Здѣсь же ежедневно всякое утро отпѣвались заутреня и часы, а въ воскресные и праздничные дни молебень „съ молитвою, молчаніемъ, кроткостояніемъ“. Вечеромъ мужъ съ женой, дѣтьми и домочадцами отпѣвалъ вечерню, повечерицу, полуночицу. Послѣ такой вечерней службы нельзя уже было ни ѣсть, ни пить, ни молву творить. „Ложась спать, всякій христіанинъ считалъ необходимымъ три поклона въ землю положить. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно, къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи“ ². Но и кромѣ того, если кто прибавитъ правило своего рода спасенія, ино то на его воли: ино болѣ мзда отъ Бога ³. Время свободное отъ молитвъ нужно было употреблять на добрыя богоугодныя дѣла, въ числѣ которыхъ первое и самое важное мѣсто принадлежало дѣламъ милосердія ⁴. Всѣ удовольствія мірскія, т. е. служація утѣхамъ мірской жизни, для большинства и безъ постнической идеи, всегда горькой и трудной, строго запрещались въ нашемъ древнемъ быту съ перваго же времени, какъ только раздалось учительское слово. При этомъ не обращали вниманія на то, что удовольствіе, какъ и трудъ, является насущной потребностью жизни, безъ которой не возможна сама жизнь общества, т. е. постепенное усовершенствованіе природы человѣка. Причиной нападокъ проповѣдниковъ на удовольствія служили развратныя, грубо-животныя удовольствія, но, справедливо запрещающія ихъ, проповѣдники отвергали и какія невинныя удовольствія, какъ музыка, пляска, пѣсня, какая либо игра и т. п. Такимъ образомъ всякая забава и увеселеніе сдѣлались грѣхомъ идолослуженія и сѣтьми діавола, которыми вѣрующіе отвлекаются отъ Бога ⁵.

Частіе говоря, нѣтъ ни одного самаго второстепеннаго явленія древней русской жизни, на которое бы житія святыхъ—этотъ огромный отдѣлъ нашей древней письменности, не положили своего особаго оттѣнка.

Прежде всего и болѣе всего это вліяніе житій святыхъ

¹ Домострой, гл. VIII. ² Гл. XII. ³ Гл. XIII. ⁴ Гл. 22 и 44.

⁵ Гл. II, XXIII, XXIV.

сказалось на семейной жизни, посредствомъ которой оно переходило и на общественную жизнь.

Основа семейной жизни—бракъ. Его значеніе и важность, освященныя христіанствомъ, несомнѣнны. Христіанство первое создано семьею въ смыслѣ духовно-нравственнаго союза,—союза, одинаково священнаго и для церкви, и для общества. Какъ богоучрежденное и облагодатствованное установленіе, бракъ по самому этому долженъ считаться однимъ изъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ отпращеній жизни всякаго общества, безъ котораго немислимо самое существованіе общества. А между тѣмъ возрѣнія, нерѣдко высказывавшіяся въ житіяхъ святыхъ, при частомъ, почти постоянномъ употребленіи у насъ послѣднихъ, вкоренявшіяся въ жизнь русскихъ, проводили и воспыгивали въ нихъ нѣсколько иные взгляды на бракъ. Преимущественно предъ нимъ въ однихъ житіяхъ восхваляется дѣвство. „Яже о брацѣ, та да погибнуть отъ ума нашего, еже бы намъ ниже помыслити когда о плотскѣй страсти. О чистота блаженная, не продадимъ тя за тлѣнныя богатства! О дѣвство святое, не растлимъ тя любодѣяніи! О мати Божія и Дѣво, на нюже азъ уповаю, не измѣню моихъ обѣтовъ! Единъ намъ бракъ есть, желаніе Христова: едина суть намъ богатства, на небеси уготованная блага: едино наследіе, истины познаніе“,— такъ говорила святая преподобномученица Евгенія дѣвица ¹. Въ другихъ житіяхъ проповѣдуется дѣвство къ супружествѣ. Въ житіи пресподобнаго отца нашего Аммона читаемъ: „Егда приде въ возрастъ, понуждаше его дядя пояти жену: онъ же не могій избыти стуженія дяди своего, мысляше въ себѣ, которымъ бы способомъ возмогль и вѣнецъ дѣтства соблюсти, и волю дяди сотворши, въ супружествѣ жити, тяготу ярма того носящи. И бысть во время брака, егда введоша его съ дѣвицею въ чертогъ, и вси изыдоша, онъ же затворивъ двери, рече къ дѣвицѣ: послушай мене, сестро, и еже реку тебѣ, внуши: супружество сіе, въ неже внидохомъ, ничимже лучше есть дѣвства, добръ убо сотворимъ, егда не вкупѣ, но особъ почивати начнемъ, да дѣвство наше цѣло соблюдемъ, благоугодимъ Богу. И иземши отъ нѣдра

¹ Житія Святыхъ, декабр. 24, л. 166.

своего книжицу, аки бы отъ лица Христова и отъ апостольскаго, словеса душеполезная глаголаше ей не умѣющей писанія. Чтуци же прилагаше и отъ себе поученіе по данной ему отъ Бога благодати, и совѣтоваше ей, да чистый и ангельскій животь провождаетъ. Она же умилившись рече: изволяю на все то, господине мой, еже глаголеши, понеже ты избираеши чистое житіе, то и азъ такожде хочу, и готова есмь все творити, еже ми повелиши. И рече Аммонъ: хочу, да особь пребываемъ, ты во иномъ дому, азъ же въ другомъ. Дѣвица же не хотящи таковаго раздѣленія, рече: ни, господине мой, въ единомъ пребудемъ дому, но на особыхъ одрахъ почиваемъ: и тако совѣщавшеса, уставивша чистое житіе, и бысть супружество ихъ вертоградомъ кринами дѣвства цвѣтущимъ, цѣломудріемъ заключеннымъ, и росю Духа Святаго прохлаждаемымъ. Въ такомъ супруществѣ пребыша осьмнадцать лѣтъ, въ великихъ подвигахъ, въ постѣ и воздержаніи, во бдѣніи и молитвахъ, и трудѣ тѣлесномъ. Дѣвица бо въ дому дѣлаше и труждашеса, Аммонъ же по вся дни отъ утра до вечера въ садѣ и вертоградѣ землю копаючи и насаждаючи, многимъ трудомъ тѣло свое мучаше: въ вечеръ же пришедши въ домъ, вкушаше мало хлѣба со святою своею супругою, паче же сестрою, въ полунощи же оба воставаху на молитву, и зѣло рано паки Аммонъ на дѣло свое исхождаше, и пребываше на дѣланіи своемъ до вечера. Тако та двоица въ младыхъ своихъ лѣтѣхъ, якоже во огни живущи, не сгорѣ: умертвиша бо уды своя суцыя на земли“¹. Предъ этими воззрѣніями преклонилась и наша, хотя и бѣдная, церковная письменность. Подъ обоюднымъ воздѣйствіемъ этихъ двухъ условій и вырастаетъ и среди русскаго общества взглядъ на бракъ, какъ на что-то бесполезное и даже какъ на „скверное беззаконіе“². Съ этой точки зрѣнія и самыя естественныя

¹ Житія святыхъ, окт. 4, л. 153. Ср.: янв. 8, л. 254 об. и сл.; 19, л. 317 об.; март. 5, л. 33 об.; 12, лл. 70—71; 19, л. 98 об.; июн. 21, л. 117 об.

² Знаменитый авторъ „Крейцеровой сонаты“, надѣлавшей такъ много шуму новизною проводимыхъ въ ней взглядовъ на супружескую жизнь, сказалъ не новость, а только повторилъ то, съ чѣмъ такъ часто приходится встрѣчаться читателю Житій святыхъ. Кстати сказать: если бы кто вздумалъ на основаніи Житій святыхъ составить на тему о дѣвствующемъ

отношенія людей, вытекающія изъ особенностей и потребностей ихъ природы, для многихъ въ то время казался чѣмъ-то нечистымъ. „И къ своей женѣ приблизитися не зѣло чисто“, поучаетъ одинъ строгій древній моралистъ.

Проникнутый аскетизмомъ взглядъ на бракъ тѣмъ самымъ предрѣшалъ судьбу и семейное и общественное положеніе русской женщины. Въ житіяхъ святыхъ, какъ и вообще въ византійской литературѣ, женщина иногда, и нерѣдко, является предметомъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ обличеній, изображавшихъ и рисовавшихъ ее во всѣхъ чертахъ грѣховной ея жизни. Во многихъ житіяхъ святыхъ женщина представляется, „злонравною и сварливою“¹, „злою разумомъ и нравы“² и т. п. Равнымъ образомъ, и въ русской древней письменности женщина обратилась въ типъ всего злого. Она представлялась для аскетической мысли постояннымъ, неисчерпаемымъ соблазномъ. Она сдѣлалась синонимомъ и источникомъ зла. Понятіе о ней могло идти и развиваться почти только въ одномъ направленіи. Также болѣе въ одну дурную сторону третировались и умственные качества женщины. Въ житіяхъ святыхъ мы находимъ иногда самое недостойное для женской личности почитіе объ ея умственныхъ способностяхъ. Въ житіи святаго мученика Ареы про жену, проповѣдавшую царю языческому христіанскаго Бога, говорится, что „блаженная и честная та жена не женскимъ разумомъ отвѣща царю“³. Умственные способности женщины даже тогдашними философами признавались ниже мужскихъ. „Аще и остроумна есть жена“, говорилъ одинъ изъ философовъ о святой великомученицѣ Екатериинѣ, „обаче яко жена не можетъ быти въ премудрости совершенна, и въ риторствѣ искусна: повели токмо ей предъ нами стати, и увидиши, яко аще точію узритъ таковыя и толикія философы и риторы, абіе погыдятся“⁴. Правда, со стороны женщины бывали иногда и протесты противъ такого

супружествѣ какой-нибудь беллетристическій разсказъ, то ему позавидовалъ бы и самъ авторъ „Крейцеровой сонаты“.

¹ Житія святыхъ, октябрь, л. 171 об., декабрь 5, 29 об. ² Житія святыхъ, октябрь, л. 154 об.; сентябрь 10, л. 50; 11, л. 54. ³ Житія святыхъ, октябрь 24, л. 228. ⁴ Житія святыхъ, нояб. 24, л. 408 об.

взгляда на ея умственные способности. Святая великомученица Евфимія говорила своему учителю: „Не помышляй, о учителю! яко слабость мою удобь можеша твоими прельщенми хитрыми преклонити на твое беззаконіе и нечестіе, аще бо и жена есмь естествомъ, и немощна плотію и млада лѣты, обаче мужественнѣе ми есть сердце паче твоего, и крѣпчайшая моя въ вѣрѣ святой сила паче храбрости вашей, и большій благодатію Христа моего имамъ разумъ, паче всѣхъ валихъ языческихъ вптій, съ нимже мудры быти мнитесь, а безумнѣйшіі есте паче всѣхъ невѣждовъ, истиннаго Бога познати не хотяще, бѣса за бога себѣ имѣюще“¹. Но такіе протесты большею частію оканчивались мученическою смертію ихъ виновницъ. Словомъ, отрицательный взглядъ на умственные способности женщины читателю житій святыхъ приходится признать въ нихъ наиболѣе распространеннымъ: уму женщинъ удивляются не только простые люди, но даже епархи².

Но главнымъ образомъ начало всякихъ обвиненій, обличеній и даже поношеній женской личности сосредоточивалось на ея нравственныхъ качествахъ. Она съ этой стороны разсматривалась, какъ воплощенная слабость и шаткость нрава и олицетвореніе всякаго коварства и лукавства. Въ нравственномъ характерѣ женщины отрицалась природенная способность и склонность ко всему истинному; совершенно наоборотъ утверждалось, что въ женахъ „мало истины“, женщиныѣ напротивъ болѣе всего усвоилась постоянная склонность ко всему злomu: „женскій родъ ползокъ къ паденію“. Мало того. Женщина, по этому возрѣтію, не только не обладала твердостію своихъ нравственныхъ началъ, но она уловляла и другихъ, и ихъ одновременно съ собою влекла къ паденію. Въ качествѣ примѣра на высказанное положеніе интересно предисловіе къ житію преподобной Таисіи, написанное на тему, что „женская красота многимъ тщета и пагуба“. „Въ странѣ Египетской“, читаемъ здѣсь, „бѣ нѣкая жена злонравна, безстудна, и скверна, та имущи едину дочь именовъ Таисію, научи ю тѣхже злыхъ нравовъ, имже сама обыкла, и ведши

¹ Житія святыхъ, сент. 16, л. 72 об.

² Житія святыхъ, сент., л. 75-76, 104 и др.

ю въ блудилище, впаде на службу сатанѣ, да многія души человѣческія низведеть въ пагубу, прельщаючи тою красотою, юже имѣяше: бѣ бо Тавсіа зракомъ вельми красна, и прославися всюду лѣпотою лица своего, ея же мнози вождельюще, многая ей приношаху имѣнія, злато и серебро, и ризы свѣтлыя и драгія. Въ толикую же тщету рачителей своихъ прельщаючи провождаше, яко мнози ея ради погубивше имѣнія своя, въ нищету придоша: инии же сварящеса за ню и біющеса, праги дому ея кровію своею исполниша“¹. Естественно, что подъ вліяніемъ чтенія такой литературы русскій человѣкъ сталъ нерѣдко повторять слова: „жены честныхъ мужъ душа уловляютъ“, что онъ болѣе склоненъ былъ видѣть въ женщинѣ опасность для себя, предметъ соблазновъ и скорѣе соглашался со своими наставниками, учившими, что „равно есть и въ огонь и въ жены впасти“, и едва не возводившими женскую личность въ злое стихійное начало, когда они находили во всемъ мірѣ тройкое зло: „море, и огонь, и жена—три злая“.

Такимъ образомъ, личность женщины ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ не пользовалась вниманіемъ древнихъ русскихъ мудрецовъ. Съ понятіемъ женщины соединялось непременно все предосудительное и опасное для нравственного чувства. Такіе взгляды на личность женщины проводились въ древнерусской письменности въ поученіяхъ о добрыхъ и злыхъ женахъ, о женахъ злыхъ и самовластныхъ и пр. Въ интересахъ истины слѣдуетъ замѣтить, что иногда эти древнерусскіе трактаты о „злыхъ“ женахъ выходили изъ устъ людей, лично обиженныхъ этими женами и не отличающихся потому авторскимъ безпристрастіемъ. Этимъ именно нужно объяснять грозную филиппику Даніила Заточника противъ дурныхъ женъ². И замѣчательно, что такія воззрѣнія на женщину большею частію возникали на монашеской почвѣ, въ средѣ монаховъ, въ бібліотекахъ которыхъ, какъ мы показали ранѣе, самое видное мѣсто занимали житія святыхъ. Этого

¹ Житія святыхъ. Окт. 8, л. 171 об. ср.: окт. 8 (ж. Пелагій), л. 168 об. 169.

² Объ этомъ у Бѣлинскаго. П. С. С., ч. 5, стр. 95—96.

особенно не слѣдуетъ забывать при выясненіи источника господствовавшихъ у насъ воззрѣній на женщину.

Мы подверглись бы опасности впасть въ односторонность, если бы остановились только на этомъ изображеніи взгляда на древнерусскую женщину, потому что какъ сильно ни былъ развитъ аскетизмъ, онъ не могъ окончательно уничтожить всякій проблескъ уваженія, котораго всегда достойна женщина. Такое уваженіе проглядываетъ во всѣхъ житіяхъ святыхъ женъ, но особенно—въ житіяхъ святой Пульхеріи ¹, великомученицы Евфиміи ², святыхъ мученицъ Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи ³, великомученицъ Екатерины ⁴ и Варвары ⁵. Въ частности и русскіе аскеты преклонялись предъ авторитетомъ женщины и писали ей панегирики, какіе мы встрѣчаемъ въ словахъ „о добрыхъ женахъ“, гдѣ женщина, какъ жена, называется „вѣнцомъ златымъ“ мужа своего, „радостью дома, дражайшею каменія драгаго и бисера многоцѣннаго“. Здѣсь видно уже у русскихъ мудрецовъ желаніе начертить идеаль русской женщины. Каковъ же этотъ идеаль? Если присмотрѣться къ нему, — это тотъ же идеаль жены и матери, которой встрѣчается и въ житіяхъ святыхъ ⁶. Другого, болѣе или менѣе разнящагося, идеала женщины древнерусская литература не создала. Поэтому приходится отмѣтить такое явленіе. Если наши древніе книжники хотѣли изобразить прекрасныя нравственныя качества женщины, то обыкновенно изображали ее какъ подвижницу, постницу, аскета. Первымъ достоинствомъ жены полагалось полное отрѣченіе ея отъ своей воли и желаній въ пользу деспотизма своего мужа. Такой принципъ вытекалъ и изъ того положенія, что „мужа бо ради жена сотворена бысть, а не мужъ жены ради“. На этомъ основаніи полное безотвѣтное послушаніе жены предъ мужемъ возводилось въ самую высокую добродѣтель женщины.

Въ пользу распространеннаго употребленія житій святыхъ

¹ Житія святыхъ. Сентяб. 10. ² *ibid.* 16. ³ *ibid.* 17. ⁴ Нояб. 24. ⁵ Дек. 4.

⁶ Житія святыхъ. Сент. 11, л. 74—75; Нояб. 15, л. 347—348; 18, л. 361, 420, 422 об.; Дек. 15, л. 103 об.; 20, л. 149 об.; Янв. 5, л. 242 об.; 21, л. 354 об.; 23, л. 364 и об.; Март. 23, л. 107 об.—108; 26, л. 123 об.; Апр. 3, л. 176; 7, л. 200; 7, л. 201; 22 (мать св. Θεодора Сиксота); Мая 2, л. 313; 3, л. 325; 13, л. 405 и сл.

въ качествѣ домашняго, почти постояннаго, чтенія можетъ говорить и то, что нѣкоторые изъ патерическихкихъ разсказовъ, находящихся въ житіяхъ святыхъ, до того привились къ русской почвѣ, что кажутся иногда русскими произведеніями. Извѣстно уваженіе русскаго народа къ обыденной трапезѣ, доходящее до благоговѣнія. Между тѣмъ этотъ, повидимому, русскій, обычай коренится въ нравахъ восточныхъ монаховъ. Одно слово скитскаго патерика, помѣщенное въ прологъ подь 4-мъ августа, убѣждаетъ монаховъ приступать къ трапезѣ со страхомъ и трепетомъ и радостію духовною ¹. Есть также слово святаго Нифонта о томъ, како подобаеть съ тихостію и молчаніемъ обѣдати на трапезѣ всякому христіанину ², которымъ пользовался преподобный Іосифъ Волоцкій ³.

Русскій народъ особенно любитъ чтеніе Псалтыри, а шестьдесятъ седьмой псаломъ („Да воскреснетъ Богъ“) считаетъ вѣрнымъ оружіемъ противъ діавола. Это онъ дѣлаеть, конечно, на основаніи Луга Духовнаго Іоанна Мосха, гдѣ говорится, что полезѣе всѣхъ книгъ читать псалтырь, и разсказывается о бѣсѣ, плясавшемъ передъ монахомъ и исчезнувшемъ псалма ради шестьдесятъ седьмаго ⁴.

Нашъ обычай ставить свѣчи предъ иконами, зажигать предъ ними лампы укоренился у насъ опять-таки вслѣдствіе чтенія житій святыхъ. Въ „житіяхъ святыхъ“ св. Дмитрія Ростовскаго очень часто можно встрѣчать или указанія на то, что предъ иконами и мощами святыхъ зажигали свѣчи и лампы, или—объясненія такихъ дѣйствій ⁵.

Обратимъ вниманіе на обычай русскаго народа гадать на книгахъ Священнаго Писанія. Въ настоящее время занимаются такимъ гаданіемъ по преимуществу лишь выдающіеся особенно набожностію, полуграмотные старики и старушки. Въ началѣ текущаго столѣтія этотъ обычай примѣнялся у насъ

¹ Древній Патерикъ, 415, Труд. кiev. дух. акад. ² См. рукоп. XIII в., описанную въ Изв. ак. наукъ, т. X. ³ См. изслѣдованіе о соч. Іосифа Саина. Хрущова. 1868 г., стр. т. 68. ⁴ Прологъ 19 окт. и 17 іюня; См. Лугъ Духовный, гл. 159 и 151. ⁵ Житія святыхъ. Апр. 13, л. 218 об.; 22, л. 254; 23, л. 270 об.; ін. 2, л. 15 об.; 19, л. 139; 28, л. 185, мрт. 17, л. 90 об.; апр. 22, л. 263 об.; 24, л. 277; мая 13, л. 401 об.; 26, л. 467 об.; ін. 2, л. 16; 7, л. 47; 8, л. 50; 23, л. 151 об.

особенно въ среднемъ и низшемъ сословіяхъ. Въ древнія же времена онъ имѣлъ широкое распространеніе между всѣми. Гадали у насъ главнымъ образомъ на Псалтыри. Но ней гадалъ благочестивый князь Владиміръ Мономахъ. Въ поученіи къ дѣтямъ онъ говоритъ о себѣ: „Вземъ Псалтирю въ печали, разгнухъ ю, и томися выну: вскую печалуеши душе! вскую смущаеши мя“ и проч. ¹. На одной рукописной Псалтыри XVI в. ² встрѣчается слѣдующая приписка прежняго владѣтеля Казанскаго ученика Василия Петрова: „Я гадалъ по сей Псалтири и мнѣ вышло жить только пять лѣтъ, а я думалъ жить еще пятьдесятъ лѣтъ“. Гадали и гадаютъ и на другихъ книгахъ Священнаго Писанія. Откуда у насъ этотъ обычай? Гдѣ нужно искать причину его возникновенія?

Несомнѣнно, первоначальный источникъ такого гаданія заключается въ глубокомъ религіозномъ чувствѣ древне-русскаго человѣка, который въ словѣ Божиємъ искалъ рѣшенія своихъ недоумѣній, особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, когда не зналъ, на что рѣшиться. Съ такимъ чувствомъ, конечно, обращался къ Псалтири Владиміръ Мономахъ. Съ такими же мыслями и чувствами относились къ слову Божию и святые Божіи, когда они рѣшались на тотъ или другой подвигъ. Но, съ другой стороны, можно объяснять это явленіе и другимъ путемъ, именно вліяніемъ чтенія житій святыхъ. Въ данномъ случаѣ намъ приходится противорѣчить мнѣнію Сахарова, что этотъ способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада ³, хотя въ общемъ заключеніи, что это гаданіе не принадлежитъ собственно русскоѣ жизни, а передѣлано на свой ладъ, по подобію другихъ гаданій, мы согласны. Дѣло въ томъ, что въ житіяхъ святыхъ встрѣчаются такія свидѣтельства, которыя ясно говорятъ, что этотъ обычай исконно существовалъ у христіанъ и что онъ производился у нихъ двумя способами: слова священнаго писанія или принимали, какъ предсказаніе будущаго, или какъ рѣшеніе важныхъ жизненныхъ вопросовъ, которыя случайно приходилось услышать отъ читающихъ или поющихъ, при входѣ въ церковь, или раскрывали

¹ Поученіе Владиміра Мономаха. ² Описаніе рукоп. синодальной библиотеки, № 15. ³ Сказанія русскаго народа, т. I, кн. 2, стр. 62.

по желанію, или какъ бы по внезапному вдохновенію свыше Библію, преимущественно св. Евангеліе и прочитывали первыя попавшіяся на глаза слова раскрытой книги.—Позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ.

Св. Андрей Великій нашель указаніе на свой жизненный подвигъ въ словахъ св. Евангелія, услышанныхъ имъ при входѣ въ церковь: „аще хочещи совершенъ быти, иди продаждь имѣніе твое“ и проч. ¹. Св. Кипріянь отшельникъ, возымѣвъ ревностное желаніе подражать жившимъ богоугодно подвижникамъ и рѣшившись идти „во святыи градъ Іерусалимъ, и тамо отвершися житейскихъ работати Богу“, съ такими мыслями „вниде въ церковь въ нѣкую недѣлю и слыша во святомъ Евангеліи словеса Христова сія: „аще кто хочеть по мнѣ идти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядеть“; и, повѣствуетъ жизнеописатель, изъ этихъ словъ угодникъ Божій поразумѣ, яко къ нему есть глаголемое, и абіе изыде изъ церкви“, чтобы немедленно исполнить предпріятое намѣреніе ². Подобнымъ же образомъ были наставляемы на „спасительный подвигъ“ и многіе другіе святыя подвижники и мученики, прославляемые нынѣ христіанскою церковію.

Случай второго рода.

Въ житіи св. преподобномученицы Евгеніи между прочимъ повѣствуется: спустя года три послѣ обращенія св. Евгеніи въ христіанство, скончался игумень того монастыря, въ которомъ она подвизалась въ мужской одеждѣ, подъ именемъ евнуха Евгенія. Братія того монастыря, совершенно не подозревая, что подъ именемъ евнуха Евгенія подвизается среди нихъ женщина, неотступно молила св. Евгенію быть у нихъ игуменомъ. „Тогда святая“, повѣствуетъ жизнеписатель, „ово боящися, да не противу закона, жена сущи, мужами обладати будетъ, ово же стыдящися толикихъ честныхъ лицъ зѣльное моленіе отринути и посрамити, рече къ нимъ: молю вы, братіе, принесите сѣмо святое Евангеліе. Принесену же тому бывшу, глагола: подобаетъ христіаномъ, да о всякомъ избраніи прежде всѣхъ самого Христа вопрошаютъ: смотримъ убо

¹ Житія святыхъ. Январ. 17.

² Житія святыхъ. Сент. 29.

во избраніи семъ вашемъ, что намъ Христось повелить и повинемся Его изволенію. Разгнута же бывшу Евангелію предъ всѣми, обрѣтесе мѣсто, идѣже бѣ написано: „иже аще хоцетъ въ васъ вящій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже аще хоцетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ“. Сему прочтену бывшу, возгласи святая: се повинуюся и Христову повелѣнію, и вашему прошенію, да буду убо любви вашей рабъ и слуга. Возвеселишася же вси о ея изволеніи, и прія Евгеній мнимый, самую же вещь Евгенія, игуменство того монастыря¹. Такъ были одобрены къ предстоявшимъ страданіямъ священномученикъ Климентъ, епископъ Анкирскій и его дружина², святые мученики Евстаѳій, Феспесій и Анатолій³. Въ житіи преп. Даніила Столпника разсказывается, что, спустя пять лѣтъ послѣ рожденія преподобнаго, родители его привели его въ одинъ монастырь и обратились съ просьбою къ игумену, „да наречетъ имя чаду ихъ: онъ же (игумень) богодухновененъ сый, глагола, — яко тѣмъ именемъ подобаетъ нареци, еже самъ Богъ открыть“. Затѣмъ игумень, „смотря на отрочища, повелѣ дати себѣ книгу отъ Божественнаго алтаря, и разгнувъ ю, обрѣте нѣкая словеса св. Даніила пророка, и разумѣвъ, яко тако благоволять Богъ, да тое пророческое имя и тому наречется отроку, именова его Даніиломъ: отнюду же знаменовашеся, яко имѣяше той отрокъ великому оному пророку, якоже именемъ, тако и нравы быти подобенъ“⁴. Такимъ же образомъ утверждалась въ своемъ намѣреніи преп. Матрона Цареградская и тѣмъ же руководился игумень, когда удалялъ ее изъ мужского монастыря⁵. Наконецъ, припомнимъ, что блаж. Августинъ обратился отъ суетнаго житія на спасительный путь, прочитавъ, по указанію таинственнаго голоса, пзвѣстное мѣсто изъ посланія св. ап. Павла къ Римлянамъ.

Такимъ образомъ, обычай гадать на книгахъ Свящ. Писанія у первенствующихъ христіанъ практиковался повсемѣстно, со время самой глубокой дѣвности: въ европейской части

¹ Житія святыхъ. Дек. 24. ² Янв. 23. ³ Нбр. 20. ⁴ Дек. 11.

⁵ Нбр. 9.

римскаго государства, на востокъ и западъ, въ Египтъ, Малой Азіи, Палестинѣ и даже въ отдаленной Месопотаміи.— Тотъ же обычай въ самыя древнія времена, какъ мы замѣтили выше, получилъ широкое распространеніе и у насъ. Причиной его появленія и укорененія среди Русскихъ было чтеніе житій святыхъ. Въ такому утвержденію насъ побуждаютъ самыя способы и средства, практиковавшіяся у насъ при гадаіи на книгахъ священнаго писанія. Тамъ, мы видѣли, принимаютъ извѣстное изреченіе священнаго писанія за предсказаніе и побужденіе къ извѣстной дѣятельности. Тоже встрѣчается и въ житіяхъ святыхъ русскихъ.

Въ нашемъ народѣ есть распространенный обычай, — при нѣкоторыхъ болѣзняхъ пользоваться святой водой, спускаемой для того съ креста. Есть-ли и онъ суевѣріе, или нѣтъ, — этотъ вопросъ можетъ быть нами оставленъ безъ отвѣта. Но самымъ существованіемъ своимъ онъ можетъ служить для насъ важнымъ средствомъ для объясненія того, какъ широко распространялось у насъ чтеніе житій святыхъ и какое плодотворное дѣйствіе оказывало оно на читателей. Многія возрѣнія, высказываемыя въ житіяхъ святыхъ путемъ частыхъ повтореній, перечитываній и пересказовъ входили, такъ сказать, въ плоть и кровь нашихъ предковъ и до того усвоивались ими, что, какъ мы имѣли случай замѣтить, трудно бываетъ разузнать ту первоначальную причину, которая породила извѣстное явленіе. Иногда такъ и кажется, что оно есть явленіе наше, чисто-русское, національное. Мы уже сказали это про обычай благоговѣйнаго молчанія при трапезѣ. То-же самое нужно сказать и про обычай „спускать воду съ креста“. Не смотря на его, повидимому, русское, происхожденіе, этотъ обычай однако обязанъ своимъ введеніемъ и широкимъ распространеніемъ у насъ чтенію житій святыхъ. Святой Димитрій Ростовскій записалъ такого содержанія одно чудо святаго Георгія Побѣдоносца ¹. „Пишется же еще и то чудо святаго великомученика Георгія о отрокѣ отъ зміи уязвленномъ смертоносно, еже нѣкій отъ Богоугодно монаше-

¹ Разсказъ заимствованъ св. Димитріемъ изъ Пролога и изъ рукописнаго сборника.

ствующахъ тезоименита имый помощника гого святаго великомученика, авва Георгій повѣда: идуща мя, рече, путемъ въ гору, имѣюща же въ рудѣ крестъ, сръте монахъ старъ, и вземъ у мене крестъ, пойде преди, и шедъ мало, совратися съ пути на стезю, и азъ въ слѣдъ его идохъ, и се стадо овецъ, а отрокъ, иже бѣ пасый, лежаше умирая отъ зми уяденъ. Бысть же источникъ близъ, и рече мнѣ старецъ: почерпи воды и обліемъ крестъ, сіе сотворивше, и раздвигши уста отроку, вліяхомъ ту воду изліянную на крестъ, и рече старецъ: во имя пресвятыя Троицы исцѣляетъ тя рабъ Божій святыи великомученикъ Георгій. И восклонився отрокъ, изверже извнутри себе смертоносное яда зло, и воста. Ему же рече старецъ: повѣждь мнѣ, како клялся еси вчера убозѣй вдовицѣ; ея же данную ти пасти овцу, продалъ еси на трехъ сребреницѣхъ, ты же глагола еси ей, волкъ снѣлъ оную. И глагола отрокъ: ей, отче, тако есть, а ты како увѣдалъ еси; и рече старецъ: сѣдящу мнѣ въ келліи моеи; пріѣхалъ ко мнѣ мужъ на бѣломъ конѣ, и рече мнѣ: Софроніе, востани, и вди скоро къ источнику, сущему одесную тебѣ на югъ, идѣже обрящени отрока отъ зми уядена, срящени же тамо монаха, носяща крестъ въ рудѣ на дровѣхъ вырѣзанъ, и вземъ крестъ той, облей водою, и даждь отроку змию уяденному пяти тоя воды, глаголя сиче: во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, исцѣляетъ тя рабъ Божій мученикъ Георгій и рцы ему: не кленися по семь именемъ Божіимъ, ни святыми его, да не горѣе ти что будетъ“¹. Правда, сколько намъ извѣстно, этотъ случай—единственный во всѣхъ жптїяхъ. И потому было бы справедливо возразить намъ, что по одному случаю нельзя объяснять то или другое явленіе. И возраженіе имѣло бы силу, если бы можно было доказать, что житіе святаго Георгія весьма рѣдко читалось нашими предками. Но доказать это не возможно. Факты свидѣтельствуютъ какъ разъ совершенно противное. Житіе св. великомуч. Георгія было самымъ любимымъ и распространеннымъ житіемъ у нашихъ предковъ, оно послужило основой духовныхъ стиховъ объ Егоріи храбромъ,

¹ Чудеса св. великомуч. Георгія въ „Житїяхъ свв.“ св. Дмитрія Ростовскаго. Апрѣл. 23, лл. 273 об.—274.

читалось, перечитывалось, и потому непримѣтнымъ образомъ вошло въ народное сознаніе не только въ своихъ общихъ чертахъ, но даже и въ самыхъ частныхъ и мелкихъ подробностяхъ.

Нельзя пройтя молчаніемъ и слѣдующую, по нашему мнѣнію, характерную черту. Высокое просвѣтительное вліяніе чтенія житій святыхъ проявилось въ томъ, что могущественно содѣйствовало къ искорененію языческаго суевѣрія такимъ путемъ. Въ лѣтописяхъ ¹ сохранились указанія на то, что просвѣтители Россіи основывали христіанскіе храмы обыкновенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли языческіе истуканы. Откуда они заимствовали этотъ способъ искорененія языческаго суевѣрія? Намъ кажется,—не изъ какого-либо другого источника, какъ изъ житій святыхъ. И это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что основателями большинства русскихъ христіанскихъ храмовъ были единичные отшельники, дѣйствовавшіе по своему собственному измышленію, а не по какому либо законному, стороннему предписанію. Начитавшись житій святыхъ, эти люди почти во всѣхъ случаяхъ жизни поступали именно такъ, какъ требовали эти книги. А изъ нихъ мы видимъ, что основаніе христіанскихъ храмовъ на мѣстѣ языческихъ капищъ и священнодѣйствій было чуть не всеобщимъ явленіемъ ².

Наконецъ, невозможно не обратить вниманія еще на одну „историческую“ по выраженію О. М. Достѣевского ³, „черту въ жизни нашего народа, которой нѣтъ болѣе ни въ одномъ европейскомъ народѣ“ и которая ясно свидѣтельствуетъ въ пользу того, что житія святыхъ были чтеніемъ самымъ любимымъ, распространеннымъ и оказавшимъ огромное воспитательное вліяніе на нашихъ предковъ. Это—паломничество ⁴.

Начало его вообще въ христіанскомъ народѣ возводится къ самымъ первымъ временамъ христіанства. Святой Димитрій Ростовскій выводитъ этотъ обычай изъ подражанія примѣру

¹ Напр.: П. С. Р. Л. т. 1, стр. 51. ² Для примѣра укажемъ: житія святыхъ. Декабр. 10, л. 55 (ж. Мины); Апрелья 17, л. 231 (ж. Антонія)

³ Дневникъ писате я. 1877 г., стр. 249. ⁴ О паломничествѣ см. нашу замѣтку въ „Русскомъ Паломникѣ“, подъ заглавіемъ „Историческая черта въ жизни русскаго народа“.

Пресвятой Богородицы. Онъ такъ пишетъ: „Жительствуя Пречистая Дѣва въ дому Іоанновомъ, исхождаше часто посѣщати тая мѣста, яже прелюбезный ея Сынъ и Богъ стопами пресвятыхъ своихъ ногъ, и изліяніемъ крове освяти. Посѣщаше и Велеемъ, идѣже родися отъ нея неизреченно, соблюдши невредимо ея дѣтство: а наипаче обхождаше оная мѣста, на нихже страда волею Господь нашъ, и омакаше та многими слезами своими, отъ матернія любви плачущи и глаголющи: здѣ любезнѣйшій Сынъ мой бѣнъ бысть, здѣ терновымъ вѣнцемъ вѣнчанъ, здѣ нося крестъ изыде, здѣ же распятъ бысть. При гробѣ же исполнившися неизреченнаго веселія, съ радостными глаголаше слезами: а здѣ погребенъ бывъ, воскресъ въ третій день преславно. Пишется же и сіе ¹: яко отъ ненавистныхъ иѣкіихъ Іудейскихъ человекѣвъ, возвѣщено бысть архіереомъ и книжникомъ, яко Марія Матерь Іисусова по вся дни исходитъ къ Голгоѣ, и при гробѣ, въ немже Іисусъ Сынъ ея положенъ бѣ, преклоняетъ колѣна и плачется, и кодицы гробъ облагоухаетъ: они же приставиша стражей, дабы никомуже отъ Христіанъ попустили тамо приходить. Откуда явѣ есть, яко уже во оное время начася той благочестивый обычай въ вѣрныхъ христіанѣхъ, еже святая посѣщати мѣста, и поклонятся на нихъ Христу Богу, волею за насъ страдади изволившему: обычая же того началомъ бѣ сама Богородительница, ейже и прочія святыя жены и мужи послѣдствоваху“ ².

Къ русскому же народу черта эта — паломничество привилась издавна. Съ самаго начала русскаго народа и его государства, съ самаго крещенія земли русской, начали устремляться изъ нея паломники во святую землю, ко Гробу Господню, на Аѳонъ и пр. Еще во время крестовыхъ походовъ ходилъ въ Іерусалимъ одинъ игумень русскій и былъ ласково принятъ королемъ Іерусалимскимъ „Галдвиномъ“, что прекрасно описалъ въ хожденіи своемъ. Затѣмъ паломничество на Востокъ, ко святымъ мѣстамъ, не прекращалось и до нашихъ дней. Изъ русскихъ монаховъ есть и теперь въ Россіи весьма

¹ Великая Миняя Четвя. Мѣс. Августа, л. 313. ² Житія святыхъ. Август, лл. 74 об.—75. Повѣствованіе о успеніи Пресвятыя Богородицы.

многіе, живавшіе на Аѳонѣ. Люди безъ гроша, старики, отставные солдаты, старыя бабы, совершенно не зная географіи, уходили изъ селеній своихъ съ нищенскими котомками своими за плечами, и, дѣйствительно, иногда послѣ безчисленныхъ бѣдствій достигали святыхъ земель... Если не на Востокъ, не въ Іерусалимъ, то устремлялись ко святымъ мѣстамъ русскимъ, въ Кіевъ, къ Соловецкимъ чудотворцамъ. Некрасовъ, создавая своего великаго „Власа“, какъ великій художникъ, не могъ и вообразить его себѣ иначе, какъ въ веригахъ, въ постоянномъ скитальчествѣ. — Такъ пишетъ О. М. Достоевскій ¹.

А вотъ и твердыя историческія данныя о паломничествѣ. Дѣйствительно, русскіе любили путешествія въ Грецію, на Аѳонъ, особенно въ Іерусалимъ, гдѣ многіе и оставались провести остальную часть жизни въ покаяніи. Θεодосій Печерскій былъ еще отрокомъ, когда встрѣтилъ богомольцевъ, бывшихъ въ святой землѣ ². Преп. Антоній Печерскій ушелъ на Аѳонъ и долго тамъ жилъ ³. Евнухъ Ефремъ поселился въ константинопольскомъ монастырѣ ⁴. Въ 1060 году Варлаамъ изъ монастыря св. Димитрія путешествовалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе святому Гробу ⁵; потомъ въ другой разъ отправился въ Константинополь, собиралъ тамъ все полезное для иноковъ и, умирая въ монастырѣ близъ Владимира Волынскаго, все это завѣщалъ въ Θεодосіевъ монастырь ⁶. Вскорѣ игумень Данилъ „поставилъ кадило на святомъ Гробѣ и облобызалъ съ любовію и слезами святое мѣсто, молился за свое отечество, князей и друзей“, и нашелъ въ Іерусалимѣ другихъ поклонниковъ русскихъ. Затѣмъ посѣтили Іерусалимъ княжна полоцкая св. Евфросинія и тамъ скончалась ⁷. Въ XII в. столько было желающихъ идти въ Іерусалимъ, что пастыри Церкви вынуждены были запрещать эти хожденія. Святой Іоаннь совѣтывалъ налагать епитимью на тѣхъ, ко-

¹ Дневникъ Писателя. 1877 г., стр. 250. ² Житіе его. Мая 3. ³ Житіе его 1 л. 10. ⁴ П. Казанскій Ист. русск. монашества, стр. 50.

⁵ Русское проповѣдничество, историческій его обзоръ и взглядъ на современное его направленіе. Спб. 1871 г., стр. 124. ⁶ П. Казанскій ор. cit., стр. 50. ⁷ Житіе Евфросинія.

торые необдуманно связывали себя обѣтомъ идти въ Иерусалимъ, ибо эти обѣты губятъ землю ¹. Это явленіе не прошло и мимо народнаго наблюденія, оно отмѣтило его въ своихъ былинахъ: извѣстно паломничество новгородскаго богатыря Василія Буслаева.

Что могло служить причиной такого явленія?—Конечно, въ объясненіе его можно поставить то религіозное чувство русскаго христіанина, въ силу котораго „для благочестивыхъ Русскихъ людей святой городъ Иерусалимъ и святія Палестинскія мѣста были такими же дорогими и высокоинтересными предметами, какъ и для всѣхъ вообще благочестивыхъ людей“. Такъ думаетъ проф. Е. Е. Голубинскій ². Мнѣніе—справедливое, проникающее въ глубь дѣла. Однако, оно объясняетъ только дальнѣйшую, хотя и внутреннюю, психологическую причину.—Кажется, ближайшая причина стремленія нашего народа къ хожденію по св. мѣстамъ—иная. Думается, что паломничество, столь излюбленное русскимъ народомъ, стоитъ въ самой тѣсной, непосредственной связи съ чтеніемъ житій святыхъ и рассказами о нихъ. Если внимательно станемъ разбирать причины, побуждавшія нашихъ святыхъ ли то, или обыкновенныхъ смертныхъ къ паломничеству, то непременно увидимъ, что охоту къ нему же и въ извѣстномъ лицѣ вызываетъ рассказъ, или чтеніе о паломничествѣ другихъ. Твердя основанія на такое заключеніе находимъ въ житіи преп. Кириака отшельника. Этотъ святой обладалъ замѣчательной охотой къ чтенію Божественныхъ книгъ, „отъ утра даже до вечера и отъ вечера даже до утра чтенію присядица“ ³. При чтеніи онъ глубоко вдумывался въ различные вопросы. И вотъ, какъ результатъ такого чтенія, біографъ отмѣчаетъ паломничество сятаго. „Та и множайшая блаж. Кириакъ во умѣ своемъ обносящи, и многыхъ святыхъ житія чтуци, горяше духомъ, и отверзесе сердце его въ страхъ Божій: возжелѣ бо поревновати жившимъ благоугодно, и мысляше ити во святой градъ Іеру-

¹ Памяти словесъ. XII в. Вопросы Кириака Нифонту: „ходили бяху ноуѣ, хотяще въ Иерусалимъ, повелѣ же епитимью дати, та бо рече рота губитъ землю сію“. ² Ист. р. церк., стр. 683. ³ Житіе его, сентябр. 29, л. 126.

салимъ, и тамо отвергшися житейскихъ единому работати Богу ¹. Въ той же мысли утверждаетъ насъ и рассказъ изъ житія преп. Іоанна Кущника ². Въ житіи святаго Григорія, еп. Акрагантійскаго, рассказъ объ его желаніи „йти въ Іерусалимъ, поклонитися святымъ мѣстамъ“ поставляется въ непосредственной, „причинной“ связи съ рассказомъ о томъ, что онъ „день бо и ночь просѣдьяше книгамъ, чтя Божественная писанія и житія отецъ святыхъ, и къ подражанію ихъ распалашеся сердцемъ, и желаше послѣдовати стопамъ ихъ“ ³.

Говоря о рассказахъ нашего народа про святаго мѣста, Ѡ. М. Достоевскій такъ опредѣляетъ ихъ великое вліяніе на волю человѣка въ извѣстномъ направленіи, именно какъ побужденія самому побывать въ тѣхъ же мѣстахъ,—къ паломничеству. „Въ рассказахъ про святаго мѣста“, пишетъ онъ, „заключается для русскаго народа, такъ сказать, нѣчто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, барышники и притѣснители, получали нерѣдко желаніе идти странствовать, очиститься трудомъ—подвигомъ, исполнить давно данное обѣщаніе. Если не на Востокъ, не въ Іерусалимъ, то устремлялись къ свв. мѣстамъ русскимъ, въ Кіевъ, къ Соловецкимъ чудотворцамъ“ ⁴.

Вообще нужно сказать, что между древне-русскими читателями житія святыхъ имѣли такой громаднй успѣхъ, что усвоеніе ихъ было не внѣшнее только, но проникало въ самую жизнь.

А. Яхонтовъ.

2 января 1893 года.

¹ Житія святыхъ Сент. 29, л. 126 об.

² Янв. 15 лл. 289 об.—290.

³ Нояб. 23 л. 393 об.

⁴ Дневникъ писателя, 1877 г., стр. 247.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru